



Скиперских А.В.

НОМО POLITICUS: МЕЖДУ БУНТОМ И ПОДЧИНЕНИЕМ

Аннотация: В данной статье автор рассуждает о выборе между бунтом и подчинением, который периодически делает человек. Выбор человека зачастую вступает в конфликт с самой властью, которая заинтересована в предохранении от делегитимации с помощью создания политических институтов, функции которых призваны обеспечивать консенсус между обществом и властью. Но деятельность данных институтов не может быть до конца эффективной, потому как невозможно полностью удовлетворять потребности человека в справедливости. Автор рассуждает по поводу оправдания нравственного выбора человека, выбирающего путь бунта. Проблемы бунта и подчинения обладают особой актуальностью, ввиду объективности как самой власти, так и её диалектической оппозиции – сопротивления. Используя метод политической герменевтики, и обращаясь к текстам политических философов, интересовавшихся данной проблемой, автор пытается разобраться в причинах этического выбора человека. Автором отмечается неизбежность сопротивления любым инициативам власти, потому как сопротивление выступает неотъемлемой частью самой власти. Выбор конкретного человека в пользу либо бунта, либо подчинения, также связывается с конкретной политической ситуацией, актуализирующей выбор человека в пользу той или иной стратегии поведения. Значительно увеличивают склонность к выбору радикальной модели поведения политические трансформации, в период которых увеличивается неопределённость и появляются надежды на собственные силы. Наоборот, периоды политической стабильности существенно снижают необходимость в сопротивлении, вынуждая человека делать выбор в пользу конформных моделей взаимодействия с властью.

Review: The author of the present article shares his thoughts on the choice between rebellion and submission made by human from time to time. Very often the choice made by man conflicts with the ruling authority which is interested in preventing de-legitimation by creating political institutions aimed at maintaining a consensus between the society and the government. However, these institutions cannot be all the way efficient because it is impossible to fully satisfy man's need in justice. The author shows there can be certain moral reasons for man choosing to rebel. Rebellion and submission are very topical issues due to the objectivity of the authority itself and its countersand as a dialectical opposition. By using the political hermeneutic method and addressing to the writings of political philosophers studying this problem, the author tries to understand the reasons of such a moral choice. The author underlines that opposition to all initiatives of the authority is unavoidable because opposition is an essential part of the authority as it is. A choice of a particular man to either rebel or submit is also related to a particular political situation triggering a certain strategy of man's behavior. Noteworthy that political transformations considerably increase chances for the radical model of behavior because the level of uncertainty grows and the hope for one's own resources becomes evident. Quite on the contrary, periods of political stability significantly increases the need for opposition making man choose conformal models of interaction with the government.

Ключевые слова: Бунт, власть, делегитимация, оппозиция, сопротивление, подчинение, политический актор, правящая элита, протест, репрессия.

Keywords: Rebellion, authority, de-legitimation, opposition, counterstand, submission, political actor, ruling elite, protest, repression.

В современной политической практике, кажется, созданы все предпосылки для того, чтобы был обеспечен консенсус между политическими акторами. Необходимость в ситуациях, когда государство и общество могут договариваться между собой, во избежание каких-либо неблагоприятных последствий, заставляет государство постоянно совершенствовать институциональный дизайн. В настоящий момент новые институты, которые должны служить некими буферами между государством и обществом, создаются настолько часто, что у внимательного исследователя поневоле зарождается сомнение в том, насколько это эффективно и какие объёмы общественного недовольства эти институты реально способны нейтрализовать. Достигнутый консенсус поддерживает легитимность политического режима, предохраняя его от делегитимации. Создание новых институтов, позволяющих «погашать» деструктивную энергию, и предохранять правящую элиту от делегитимации, в полной мере связывается с развитием демократии как таковой, предполагающей постепенное совершенствование диалога между обществом и властью, ответственной перед ним. Действительно, предполагается, что общество имеет все права требовать «прозрачности» власти, что в рамках демократических процедур может означать частую сменяемость власти, краткосрочность политических циклов и довольно чётких представлений об экономии власти, о том, как власть распоряжается бюджетом.

Подобная трансмиссия отношений гражданского общества и институтов власти в полной мере относится и к ситуации, сложившейся в современной России. В каждом субъекте РФ есть приёмные Президента РФ и партии «Единая Россия», приёмные уполномоченного по правам человека, Общественные палаты и т.д. На уровне районных центров субъектов РФ практически каждый месяц проводятся приёмы граждан региональными чиновниками, отвечающими за то или иное направление. В российских судах появляются медиаторы, пытающиеся разгрузить судопроизводство. Созданная структура ОНФ вбирает в себя общественные запросы власти «снизу», растворяет их в себе и перерабатывая их «на выходе» в достаточно комплиментарные предложения для власти. Основная идея заклю-

чается в демонстрации обществу неустанной заботы государства о самом обществе и отдельно взятом индивиде. Человека с его проблемами должны выслушать, успокоить, и пообещать их исполнение. Таким образом, его постепенно отдают от необходимости самостоятельно искать правду, погашая в нём страсть бунта. Человеку внушается установка о том, что его участь будет благополучно разрешена. Кажется, что такого человека впоследствии может удовлетворить даже элементарная отписка государственной инстанции или официального лица. Властью выработан целый алгоритм взаимодействия с запросами «снизу», при котором человеку внушается необходимость выяснение правды исключительно в рамках, предлагаемых самой системой.

Любые попытки отдельно взятого человека или группы людей добиться правды альтернативным способом, минуя официальные институты и попытки субъективности «проникнуть в историю и оживить её своим дыханием»¹, встречают в лучшем случае неодобрение власти. Достаточно вспомнить, какое недовольство со стороны власти вызвали зимние протесты «креативного класса» 2011–2012 года в России, причём протестная волна докатилась и до российской провинции².

В конце 2013 года креативный класс оккупировал киевский Майдан, породив удивительную реальность бунта нового измерения. Зачастую властью недооценивается тот факт, что субъект бунта может быть достаточно образован, что увеличивает вероятность адекватности его запроса к правящей элите и выбора средств давления на власть. Ненасильственная практика давления на власть совершенствуется и приобретает новые формы и спецификации с учётом новой, информационной реальности. Именно креативный класс становится катализатором политических трансформаций. Масштабы политического кризиса в Украине в настоящий момент таковы, что политические трансформации переживает весь социальный ансамбль украинского общества.

¹ Фуко М. Восстать бесполезно? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5 (79). – С. 19.

² Скиперских А.В. Вызовы провинциального протеста. // Свободная мысль. – 2011. – № 12. – С. 45-50.

Может ли быть оправдан человек, пытающийся апеллировать к институтам власти самостоятельно, минуя систему вопросов/ответов, созданную самой властью как единственно возможную и легальную. Имеет ли право человек использовать какие-либо иные формы апелляции, поставив под сомнение существующий, официальный порядок? События в Украине 2013-2014 гг. показывают, что параллельная политическая реальность, в рамках которой могут удовлетворяться запросы на справедливость, в принципе, может явиться определённой альтернативой. Этому предшествует тот факт, что правящая элита оказывается неспособной отвечать на поступающие «снизу» вопросы. Складывается ситуация, при которой субъект выбирает путь бунта. Бунт требует конкретизации – человека больше не устраивают формальности власти имущих, их холодная декларативность. Как отметит А. Камю, «бунт хочет, бунт кричит и требует, чтобы скандальное состояние мира прекратилось и наконец-то запечатлелись слова, которые безостановочно пишутся вилами по воде»³.

Необходимость адресации власти запросов, связанных с улучшением собственного положения всё чаще начинает исходить от образованных людей, умеющих обрабатывать информацию. Как отмечает Т. Гарр, в качестве главных источников возрастания ожиданий оцениваются грамотность и западное образование. Предполагается, что «дети традиционного общества, вкладывающее своё время и энергию в формальное образование, побуждается к движению по направлению к новым целям – вначале смутным, но по мере прогресса образования всё более отчётливым»⁴. Подобные поиски справедливости понижают легитимность правящей элиты, они ставят под сомнение её авторитетность. Безусловно, самостоятельный поиск ответов на вопросы не устраивает власть, заинтересованную в постоянном контроле и мониторинге подобных практик. Это чувствуется в довольно жёстких оценках тех, кого не

могла впечатлить созданная властью трансмиссия удовлетворения гражданских запросов.

Необходимо отметить, что изначально формальные институты, функция которых как раз и заключается в работе с запросами и обращениями граждан, не могут быть совершенны, а стало быть, они не могут удовлетворить ожидания граждан. Если бы удовлетворялась даже половина запросов и обращений граждан, то не выдержала бы сама система, выживающая за счёт репрессии и подавления, жёсткой фискальной политики и ограничения свобод и выборов людей. По сути дела, удовлетворение достаточной части запросов и обращений «снизу» поставило бы под сомнение её легитимность, а вместе с ней и политическую элиту, обеспечивающую её функционирование. Таким образом, сама система и её институты изначально не могут удовлетворить людей, что превращает институты в декорацию, в симулякр справедливого воплощения желания и сатисфакции.

Но что в такой ситуации делать человеку? Возможны варианты. Для некоторых данный урок оказывается показательным, и они всем силами стремятся избежать новых тяжб. Для других, наоборот, стремление добиться удовлетворения иска к системе становится делом всей оставшейся жизни. Задетое честолюбие стоит дорого и человек, выставляющий власти счёт, не пытается забыть о нём. Нас интересует именно такой человек и нам нужно представить его в благородном деле восстановления справедливости.

Нас интересует субъект – перформер, вступающий «в конфликт с разлинованностью и предначертанностью социального порядка, на которые как раз и делается акцент властью, а также её дисциплинарной машиной. Как правило, власть держит под контролем практики демонстраций и представлений. Когда появляется нечто, выпадающее из представлений власти о порядке и согласованности, конфликт является неизбежным»⁵.

³ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – С. 126.

⁴ Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – С. 145 – 146.

⁵ Скиперских А.В., Гарбуз А.А. Концепт «перформанс»: появление субъекта. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3-1. – С. 175.

Вряд ли можно согласиться с мыслью о том, что сопротивление отсутствует там, где существует власть. Сопротивление заключено в единство с властью, оно неизбежно, оно онтологически объективно.

Вспомним, как А. Камю изображает своего Сизифа: «мы можем представить только напряженное тело, сиюминутно поднявшее огромный камень, покатавшее его, взобравшись с ним по склону; видим сведенное судорогой лицо, прижатую к камню щеку, плечо, удерживающее покрытую глиной тяжесть, оступающую ногу, вновь и вновь поднимающую камень науки с измазанными землей ладонями»⁶.

Необходимость сопротивления появилась вместе с самим принуждением. Навязчивая идея преодоления предначертаний судьбы (предначертаний быть управляемым) преследует людей с момента появления отношений власти. Причём, практики преодоления давления репрессивных институтов, устранения постыдной классовой стратификации, отмечают исторический процесс вне зависимости от пространственно-временных спецификаций. В истории практически каждого государства мира найдутся примеры индивидуального/массового сопротивления власти в самых различных формах.

Вообще, невозможно тотальное подчинение, потому как тотальность предполагает постоянство давления, его равномерность и упорядоченность. Любой перебой в осуществлении репрессии, в прохождении репрессивного сигнала уже ставит под сомнение чистоту коммуникации между властью и подчинёнными. Следует отметить, что подобная асинхронность репрессии может быть ещё опаснее, потому как после передышки на индивидов обрушивается ещё умноженное в силе принуждение. Как не предположить, что в ответ индивидам будет адресована власти просьба о прекращении давления – апелляция к неким абстрактным гуманитарным ценностям. А если ответом на запрос будет не уступка, а всего лишь молчание, холодная усмешка, гримаса, или демагогия (в рамках официальных институтов,

без конкретного решения проблемы и ослабления репрессии)? Можно ли в данной ситуации представить, что и впредь *все* индивиды будут исполнительно и скрупулёзно следовать установкам власти? Видимо, нет. Как раз именно подобные ситуации неудовлетворения ожиданий способствуют накоплению в некоторых индивидах протестного потенциала, негативных оценок в отношении власти и вызреванию бунта. Именно в моменты подобные человек начинает понимать, что любая подобная просьба, адресованная власти, будет иметь те же самые последствия. Человек понимает, что тем самым, его заставляют испытывать унижение, возможно, ещё большее, чем непосредственное принуждение. В такой момент бунт как раз и демонстрирует себя – выдавливаясь. Так происходит «рождение злобы во имя чувства поправленной правды, рычащей злобы, звериной и страшной... чем больше живешь, тем больше накапливаешь это чувство неправды, и, наконец, получается невозможно всякое обыкновенное бытие»⁷.

Отказываясь от новых запросов власти и накапливая внутри себя протестный потенциал, человек сознательно оказывается вне благосклонности власти – ему уже не нужен её жест, подачка. Объём сатисфакции со стороны власти оказывается оскорбительно не соизмерим с теми психологическими и физическими затратами, которые уже были инвестированы индивидом в попытку диалога с властью на равных.

Как отмечают некоторые авторы, подобное несоответствие служит причиной поиска новых моделей преодоления сложившейся ситуации. По мнению Т. Гарра, именно в данных условиях возникают основания для инновационного поведения как поведения противостоящего поведению, обычно востребованного в процессе социализации: «процесс социализации учит людей избегать неприятных стимулов, и только новые жёсткие конфликты способны преодолеть адаптивные способности, приобретаемые в таком процессе»⁸.

⁶ Камю А. Изнанка и лицо: Сочинения. – М.: ЗАО Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. – С. 203.

⁷ Пришвин М. Собрание сочинений в восьми томах. – Т. 8. Дневники, 1905 – 1954. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 65.

⁸ Гарра Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – С. 60.

Политика и общество 6 (114) • 2014

Иновационное поведение мы видим в условиях политических трансформаций, в периоды революций и системных кризисов. Разве не иновационное поведение характеризует попытку вести диалог с властью на языке искусства, обращаясь к символам, маскируя свои претензии и желания? В сферу интереса автора уже попадал язык протеста, язык оппозиционных политических акторов, вытесненных из публичного дискурса официальной политики, и вынужденных наращивать своё преимущество в неофициальном дискурсе, посредством апелляций к аудитории с помощью осваивания протестным письмом тех или иных поверхностей⁹.

Объективность протеста безусловна. В своё время М. Фуко отметил неискоренимость движений, в рамках которых «человек, группа, меньшинство или весь народ говорит: «Я больше не подчиняюсь» – и бросает в лицо власти, которую он считает несправедливой собственную жизнь»¹⁰. Подобные практики неподчинения существуют в любой политической системе, в различных формах и вариантах. Одновременно с этим, М. Фуко говорил и о загадочности бунта как такового, о невозможности измерения его сколько-нибудь однозначно, что придаёт отдельно взятому бунтующему человеку таинственную необъяснимость.

Как правило, когда возникает разговор о бунте конкретного человека, критический фокус размещается именно на нём самом. Именно человек бунтующий является причиной, следствием которой является деструктивность, сбой в системе. Именно человек бунтующий аккумулирует на своём теле ответственность за это, что позволяет предъявлять ему самые ужасные обвинения. Безусловно, в такой ситуации бывает не совсем выгодно рассматривать человека бунтующего не как причину, но как следствие равнодушия конкретных институтов, спровоцировавших человека на бунт. Власть всеми силами выводит себя из-под подобного удара, да и «убедительные» аргумен-

ты у неё всегда найдутся. Но, на наш взгляд, было бы не совсем правильно избежать обвинений именно ей самой, и попробовать найти ответственность в себе. Но этого никогда не произойдёт, потому как, тем самым, система будет сомневаться в себе самой.

Следует отметить, что диалектическое единство бунта и подчинения, пульсирующее в отдельно взятом индивиду, получает новое измерение в условиях информационного общества. Появление новых политических институтов и дальнейшее совершенствование структур информационного общества, разрушение монополии на информацию будет только способствовать диверсификации оценок политики, осуществляемой тем или иным государством, что будет способствовать умножению делегитимационных рисков. Наоборот, снижение уровня образования людей, их замыкание на удовлетворении исключительно экономических проблем, будет работать на тех политических акторов, которые будут исповедывать авторитарную философию управления. Отсюда, индивид будет испытывать новые искушения как бунтом, так и подчинением.

Необходимо отметить, что неизбежность выбора индивидом протестной стратегии поведения будет неизбежно актуализироваться по мере неопределённости и наступления политического кризиса. Наоборот, склонность к конформному поведению, и выбор индивида в пользу более спокойного и уравновешенного бытия, может отмечать периоды политической стабильности.

Библиография:

1. Фуко М. Восстать бесполезно? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5 (79). – С. 16-19.
2. Скиперских А.В. Вызовы провинциального протеста. // Свободная мысль. – 2011. – № 12. – С. 45-50.
3. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
4. Гарр Т. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.

⁹ Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России. // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 109 – 112.

¹⁰ Фуко М. Восстать бесполезно? // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 5 (79). – С. 16.

5. Скиперских А.В., Гарбуз А.А. Концепт «перформанс»: появление субъекта. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3-1. – С. 173 – 182.
 6. Камю А. Изнанка и лицо: Сочинения. – М.: ЗАО Эксмо-Пресс, Харьков: Фолио, 1998. – 864 с.
 7. Пришвин М. Собрание сочинений в восьми томах. – Т.8. Дневники, 1905-1954. – М.: Художественная литература, 1986. – 759 с.
 8. Скиперских А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России. // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 108 – 113.
 9. Манойло А.В. Стратегии «управляемого хаоса» в условиях хаотизации международных отношений: миф или реальность? // NB: Международные отношения. – 2014. – 1. – С. 1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10750.html
 10. Консон Г.Р.. Бунт Карамазова — болезнь или появление гостя из Преисподней?. // Психология и Психотехника. – 2014. – № 4. – С. 437-448. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.4.11515
 11. Марина Кулишова. Сальвадор Дали: игры сумасбродного бунтаря.. // Исторический журнал. – 2010. – № 3. – С. 36-59.
 12. В.Н. Порус. О претензиях «анархической философии» (по поводу давней статьи А.М.Пятигорского). // Философия и культура. – 2010. – № 9. – С. 56-61.
 13. Кабанов П.А. Политическая преступность в России: криминологический анализ исторического развития // NB: Вопросы права и политики. — 2013. – № 1. – С.285-304. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.1.474. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_474.htm
 14. В.В. Дубовицкий. Феномены страха и уважения в эстетике возвышенного Эдмунда Бёрка и Иммануила Канта (Сравнительный анализ). // Психология и Психотехника. – 2011. – № 12. – С. 6-14.
 15. Л. М. Попов, Р. В. Меркель. Связь эмоционально-волевых характеристик и авторитарности личности.. // Психология и Психотехника. – 2010. – № 11. – С. 14-21.
- References (transliteration):**
1. Fuko M. Vosstavat' bespolezno? // Neprikoenovennyi zapas. – 2011. – № 5 (79). – S. 16-19.
 2. Skiperskikh A.V. Vyzovy provintsial'nogo protesta. // Svobodnaya mysl'. – 2011. – № 12. – S. 45-50.
 3. Kamyu A. Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo. Per. s fr. – M.: Politizdat, 1990. – 415 s.
 4. Garr T. Pochemu lyudi buntuyut. – SPb.: Piter, 2005. – 461 s.
 5. Skiperskikh A.V., Garbuz A.A. Kontsept «performans»: poyavlenie sub'ekta. // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2013. – № 3-1. – S. 173 – 182.
 6. Kamyu A. Iznanka i litso: Sochineniya. – M.: ZAO Eksmo-Press, Khar'kov: Folio, 1998. – 864 s.
 7. Prishvin M. Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh. – T.8. Dnevniki, 1905-1954. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. – 759 s.
 8. Skiperskikh A.V. Poverkhnosti protesta: osobennosti politicheskogo pis'ma v sovremennoi Rossii. // Politicheskaya lingvistika. – 2014. – № 1. – S. 108 – 113.
 9. Manoilo A.V. Strategii “upravlyaemogo khaosa” v usloviyakh khaotizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? // NB: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014. – 1. – С.1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750. URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_10750.html
 10. Konson G.R.. Bunt Karamazova — bolezn' ili poyavlenie gostya iz Preispodnei?. // Psikhologiya i Psikhotehnika. – 2014. – № 4. – С. 437-448. DOI: 10.7256/2070-8955.2014.4.11515
 11. Marina Kulishova. Sal''vador Dali: igry sumasbrodnogo buntarya.. // Istoricheskii zhurnal. – 2010. – № 3. – С. 36-59.
 12. V.N. Porus. O pretenziyakh «anarkhicheskoi filosofii» (po povodu davnei stat'i A.M.Pyatigorskogo). // Filosofiya i kul'tura. – 2010. – № 9. – С. 56-61.
 13. Kabanov P.A. Politicheskaya prestupnost' v Rossii: kriminologicheskii analiz istoricheskogo razvitiya // NB: Voprosy prava i politiki. — 2013. – № 1. – S.285-304. DOI: 10.7256/2305-

Политика и общество 6 (114) • 2014

- 9699.2013.1.474. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_474.htm
14. V. V. Dubovitskii. Fenomeny strakha i uvazheniya v estetike vozvyshennogo Edmunda Berka i Immanuila Kanta (Sravnitel'nyi analiz). // Psikhologiya i Psikhotekhnika. – 2011. – № 12. – С. 6-14.
15. L. M. Popov, R. V. Merkel'. Svyaz' emotsional'no-volevykh kharakteristik i avtoritarnosti lichnosti. // Psikhologiya i Psikhotekhnika. – 2010. – № 11. – С. 14-21.